

П.Н. Тоцкий, П. А. Майборода (Одесса, Украина)

**СТРАСТИ ВОКРУГ ИЕРУСАЛИМСКОГО ХРАМА: РЕЛИГИОЗНАЯ
ПОЛИТИКА ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА И ЕЁ ОППОНЕНТЫ¹**

Проблемы истории раннего христианства как важного политического, этического и культурного феномена в процессе эволюции европейского общества всегда представляли в силу многих причин, как социального, так и научного плана живейший интерес для исследователей-историков. Одной из ключевых фигур указанного периода европейской истории был император Юлиан, крупный политический деятель, религиозный реформатор, выступивший яростным оппонентом утверждающейся новой мировой религии. Анализ его деятельности позволяет историку достаточно рельефно проследить сложные перипетии идейной борьбы различных прослоек позднеантичного общества за политическую власть и духовную монополию в римском социуме. Объектом анализа данной статьи в рамках указанного предмета выступает рассмотрение событий, связанных с попыткой возрождения иудейского храма в Иерусалиме в правление императора Юлиана. Главными задачами, которые пытается разрешить данная работа, для нас являются: 1) анализ консервативно-утопического стремления адептов римского язычества, опирающихся на правящего государя, реставрировать систему религиозного политеизма империи; 2) выявление форм бытования в IY-Y вв. антииудейской доминанты и антиязыческой ксенофобии в теологии христианства и церковной историографии; 3) проблема социального лавирования императорской власти Рима IV в. в вопросах религиозной политики.

Отметим, что на начальном этапе своего развития христианство, подобно дикой маслине, по меткому выражению апостола Павла², привилось к большому стволу иудейской религии. Однако спустя относительно незначительный промежуток времени оно, образно говоря, из маленького ростка превратилось во вполне самостоятельное дерево, которое уже не могло питаться от одного корня с верой потомков Авраама. Профессор Г. Струмза верно отметил, что ещё в середине III в. для философа Оригена обе религии стоят по одну сторону баррикад против язычества, тогда как уже в конце IV в. иудеи становятся главными врагами веры и истины для Иоанна Златоуста³. Такое быстрое и разительное изменение в отношении христиан к «старшим братьям» представляется возможным объяснить тем, что со времён императора Константина христианство, в его паулинистском варианте, начинает путь к утверждению единоличного господства на идеологическом фронте империи, сменив одеяние терпимости личиной непонимания чужих традиций и культуры и видя в них лишь угрозу для «неутверждённых» неофитов⁴.

Одним из характерных эпизодов, отразившим взаимную вражду христиан и иудеев, была попытка императора Юлиана (361-363) отстроить храм в Иерусалиме. Потенциальная взрывоопасность ситуации состояла в том, что, по христианским представлениям, его восстановление было невозможно⁵. Для иудеев, напротив, храм был священным местом, где они могли поклоняться Яхве⁶.

Предваряя обзор основных источников, - трактатов христианских писателей, скажем предварительно несколько слов о Юлиане Отступнике, центральной политической фигуре нашего анализа. Он явился последним языческим императором на римском престоле, проводившим реформы, призванные, по мнению их творца,

укрепить империю на базе политической реставрации римского политеизма⁷. Противник паулинистского христианства, утверждающего себя в качестве господствующей религии в Риме, Юлиан искал сторонников и в среде адептов иудаизма, хотя вполне резонно усматривал в нём один из источников христианского догматизма. В силу указанного, а также того, что язычество уже социально изжило себя, идейная критика христианства Юлианом весьма противоречива, а религиозная политика императора была извилистой. Об этом свидетельствуют фрагменты сочинений, где Юлиан выступает в качестве идеолога отживающего свой век язычества. Сошлёмся в этой связи на некоторые его конкретно-исторические констатации относительно христианства (паулинизма) и традиционного иудаизма. В сохранившемся фрагменте его трактата «Против галилеян», Юлиан обращает внимание на нетерпимость христианства по отношению к оппонентам. Император объясняет это влиянием, прежде всего, иудаизма⁸. В последнем Юлиану не по душе именно священная история евреев, что даёт ему повод иронизировать, рассматривая писания Моисея или Соломона. Однако при всех различиях, которые имеются у евреев и язычников, император считает, что обе религии очень схожи в своей обрядовой стороне⁹.

В своей полемике против христиан Юлиан использует образ Иерусалимского храма как одно из доказательств того, что утверждения христиан о ветхости иудаизма - безосновательны. Между строк полемики звучит желание императора восстановить храм как символ нерушимости традиции. Едва ли император собирался восстановить храм лишь для того, чтобы продемонстрировать ложность христианских пророчеств. Представляется маловероятным, чтобы император-отступник, самостоятельно изучавший Новый завет, мог не знать, что в одном из посланий Павла¹⁰ говорится о храме, стоящем в Иерусалиме в конце времён. По нашему мнению, в своём желании восстановить храм Юлиан руководствовался двойными мотивами, достаточно ясно выраженными в трактате «Против галилеян». С одной стороны, это выступление против того, что христианство с его новаторским духом может заменить собой язычество или иудаизм, якобы полностью устаревшие. С другой же, защита в рамках политеизма осязаемых традиционных ценностей и обрядов (символом которых для иудеев был храм) в противовес христианам, отрицавшим их важность.

По-своему это констатируют на базе острой идейной борьбы вокруг Иерусалима апологеты христианской церкви. Так, Кирилл Иерусалимский оставил нам в своих трудах свидетельства попыток превратить Иерусалим из столицы евреев и римской языческой колонии Элии Капитолины в центр христианского паломничества¹¹. Такие попытки, по Х. Сивану¹², не могли не привести к реакции, и мероприятия по восстановлению храма, предпринятые Юлианом, должны рассматриваться в контексте возвращения Иерусалима к иудаизму. Из сочинений Кирилла мы не можем сделать определённый вывод о его отношении к строительству Юлиана¹³, однако у церковного историка Руфина сохранилось позднейшее описание стойкости Кирилла, который находил утешение в чтении пророка Даниила, повествующего об окончательной участи храма¹⁴. Как бы то ни было, в сочинениях Кирилла для нас более важно видение креста над Иерусалимом в мае 351 г., описанное в письме императору Констанцию¹⁵. Это видение, расценивающееся как доказательство прав христиан на священный город

иудеев, послужило затем отправной точкой церковных описаний чудесных явлений сопутствовавших неудаче восстановления храма.

Единственный источник из лагеря противников христианства, рассказывающий о попытке восстановления храма, - трактат Аммиана Марцеллина, по данному вопросу, хотя и краток, но выразителен¹⁶. Главным мотивом восстановления Иерусалимского храма у Юлиана, по мнению Аммиана Марцеллина, выступало желание оставить достойную память у потомков. Подобный подход достоин похвалы: предыдущий август

Констанций решил также оставить о себе память, переправив в Рим величественный обелиск из Александрии¹⁷. В то же время Аммиан очень краток в рассказе о причинах прекращения строительства храма. Подобного рода лапидарное описание органически входит в традицию его текста: историк предпочитает не делать акцент на конфессиональных раздорах, уделяя больше внимания светской истории¹⁸. Так, изгнание Афанасия Александрийского во время правления Констанция занимает у Аммиана всего несколько строк¹⁹, тогда как для церковных историков - это крупное событие, сквозь призму перипетий которого можно концентрированно рассматривать весь IV в., наполненный догматической борьбой. Рассказ о неудаче строительства храма авторитетным историком IV в. для нас интересен тем, что даёт единственную в своём роде реалистическую альтернативу церковным рассказам. Он без прикрас обнажает фундамент христианских спекуляций о храме, свидетельствуя: это - стихийное бедствие, помешавшее строительству в самом начале проекта.

Христианским авторам, писавшим по указанной теме, присущи тенденции категорической оппозиционности по отношению к религиозной политике Юлиана и яркого антииудаизма. Это чётко прослеживается, в частности, уже у авторов, оставивших первые отзывы о попытке восстановления Иерусалимского храма, Григория Назианзина, когда-то в молодости знавшего императора, и Ефрема Сирина, «сирийского пророка», жившего в городе Нисибине, через который проходила отступавшая римская армия с прахом убитого в персидском походе Юлиана.

По свидетельству Григория, Юлиан убедил иудеев в том, что настало время возрождения их земли и святого города, т.е. Иерусалима²⁰. Первым из таких мероприятий должно было стать строительство храма, и иудеи встретили это известие с воодушевлением: так, даже женщины жертвовали свои лучшие украшения на постройку храма²¹ (возможно, тут у Григория прослеживается ветхозаветная параллель: для того, чтобы сделать тельца Аарон потребовал у богатейших евреек украшения, которые затем расплавил)²². Однако, как только было начато строительство, из-под земли вышел огонь, нанесший строителям смертельные раны. Это повторялось несколько раз, так что в конце концов евреи были вынуждены отказаться от своего предприятия. Григорий живописует не только буйство стихии: к огню добавляется ещё землетрясение и знамение креста в небесах. Необходимо отметить, что Григорий тут, по всей видимости, прибег к компиляции: знамение в виде креста могло быть взято из письма Кирилла Иерусалимского.

В конце концов, по рассказу епископа из Назианза, испуганные иудеи пытаются укрыться в христианском храме, но многие из них сожжены, подобно ветхозаветным Надаву и Авиуду²³. У Григория, несмотря на его ригоризм по отношению к иудаизму,

присутствует, кроме того, попытка разглядеть возможность компромисса по отношению к оппонентам. Именно так можно воспринимать обращение части иудеев в христианство после всех знамений в Иерусалиме²⁴. Диалог, по мысли Григория, возможен только при условии обращения в «истинную веру», однако примечательна сама возможность компромисса²⁵.

Ещё более категоричен в высказываниях Ефрем Сирийский²⁶. Юлиан у него

- предтеча антихриста, радостно принятый иудеями, в то время как истинный спаситель, Иисус Христос, был ими отвержен. Все небесные знамения, связанные с пророчествами, изложенными у Даниила. Для Ефрема иудаизм омерзителен: он даже пишет, что иудеи по сути стали язычниками ещё во время царя Манассии, который приносил жертвы различным богам. Их союз с Юлианом - это отказ от монотеизма в пользу жертв бесам²⁷, и поэтому они уже никогда не могут быть прощены. Судьба еврейского народа

- наглядный пример того, к чему приводит богоотступничество - и ничего, кроме вырождения, не сулит Ефрем Сирийский потомкам Авраама, поставившим себя вне рамок божьего плана.

У церковных историков, писавших через век после произошедших событий, картина, написанная грубыми мазками у Григория и Ефрема, становится канонической. Сократ Схоластик, с его тенденцией к рационализации чудесных событий, считает, что Юлиан обратился к иудейскому народу из-за того, что не нашёл среди язычников должного пыла, в то время как у иудеев ещё оставалась религиозная жажда²⁸. Созомен, напротив, утверждает, что иудеи объединились с язычниками в тщетной надежде опровергнуть евангельские пророчества, так что крах строительства храма был крахом не только надежд иудеев, но и языческих сторонников Юлиана²⁹. Филосторгий, арианский историк, писавший примерно в это же время, добавляет ещё одну примечательную деталь: когда строители пытались заложить фундамент для повторного строительства храма, они нашли колодезь, в котором лежал в целостности текст Евангелия от Иоанна, который уже должен был изобличить строителей в попытке нарушения божьего плана³⁰. Интересно и то, что, в отличие от синоптических Евангелий, у Иоанна не содержатся пророчества Иисуса о храме; его, по Филосторгию, и не нужно: сами по себе любые евангельские слова являются обличением в неверии для грешников.

Рассмотрев различные свидетельства источников о межконфессиональной борьбе вокруг попыток восстановления Иерусалимского храма, мы пришли к следующим выводам. Идеологическая полемика, развернувшаяся вокруг храма, не случайна: она символизирует противостояние традиции и новации, толерантности и нетерпимости - вопросов так остро ставших перед населением Римской империи IV в. Указанный эпизод был ещё одним свидетельством противоречивости религиозной политики Юлиана, несущей в себе как элементы традиционного политеистического консерватизма, так и религиозной толерантности. Последнее отражало, в сущности, не позицию господствующих кругов

правлящего класса, уже перешедших на идеологическую платформу утвердившегося в качестве господствующей религии христианства, а узкой

прослойки языческой интеллигенции, отстаивающей под флагом защиты старинных культов своё право на интеллектуальную самореализацию в борьбе против посягательств на её духовную свободу со стороны диктата христианской церкви.

Трактовка указанного эпизода церковными историками, пронизанная тенденциями ксенофобии и антииудаизма, является диаметрально противоположной и состоит в отстаивании духовной монополии церкви. Интересной особенностью полемики со стороны представителей церкви является использование ими Ветхого завета, этого исконно иудаистского источника, который понимается целиком в рамках христианской теологии. Последователи Христа, наполняя свою религию нетерпимостью и неприятием чужого мнения, принудили, в конце концов, некогда заклятых врагов, язычников и иудеев, к союзу, который имел место в правление Юлиана. Может показаться, что в борьбе за абсолютную власть над умами людей угасающей античной цивилизации на стороне христиан выступила даже стихия, однако победа приверженцев религиозной нетерпимости выглядит эфемерной: само христианство вступало в новую эпоху расколотым на различные конфессии, а империя, которой управляли поклоняющиеся Христу государи, вскоре пала под ударами варваров.

¹ Авторы выражают благодарность Е. Кузьмину (PhD, Иерусалим) за любезно предоставленные материалы американской историографии восстановления Иерусалимского храма.

² Рим. 11:7 (здесь и далее ссылки на Новый завет приводятся по Синодальному переводу).

³ Stroumsa G.G. From Anti-Judaism to Antisemitism in Early Christianity // *Contra Iudaeos: ancient and medieval polemics between Christian and Jews*. – Tübingen: Mohr, 1996. – P. 26.

⁴ По эволюции отношения христиан к иудеям см. отдельные статьи в сборнике: *Contra Iudaeos*. – Tübingen, 1996, по положению и идеологии христианства: Казаков М.М. Христианизация Римской империи в IV в. – Смоленск, 2002. – <http://www.biblicalstudies.ru/books.html#Kazak>.

⁵ Дан. 9: 27, Матф. 24:2, Мар. 13:2, Лук. 21:7.

⁶ Юлиан. Против христиан. Кн. I // Ранович А.Б. Античные критики христианства. – М., 1990. – http://jhistory.nfurman.com/lessons10/ranovich08_1.htm; Попытка императора Юлиана восстановить Храм // Иерусалим в веках. – <http://jhistory.nfurman.com/lessons8/08-59.htm>.

⁷ Розенталь Н.Н. Юлиан Отступник (Трагедия религиозной личности). – Пг., 1923.

Существует мнение, что Юлиан отправился в поход на Персию именно потому, что его реформы провалились: Муравьев А.В. Флавий Клавдий Юлиан в Антиохии в преддверии Персидской компании 363 г. // ВДИ. – 2004. - №4. – С. 179-191.

⁸ Юлиан. Указ. соч.

⁹ Там же

- ¹⁰ 1 Фесс. 2:3. Таким образом, по нашему мнению, церковные писатели IV в. сосредоточились лишь на тех пассажах Нового завета, где говорится о разрушении храма, проигнорировав указанное послание Павла и «Апокалипсис», которые утверждают важную роль храма в христианской эсхатологии
- ¹¹ Sivan H. *Palestine in late antiquity*. – Oxford, 2008. – P. 200-204.
- ¹² Idem. – P. 207.
- ¹³ С. Брок опубликовал послание Кирилла Иерусалимского, сохранившееся на сирийском языке, в котором описывается разрушение Иерусалима землетрясением во время постройки храма, однако этот лобопытный источник, по-видимому, не является подлинным. См.: Brock S.P. A letter attributed to Cyril of the Jerusalem on the rebuilding of the Temple // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – Vol. 40. – №2. – 1977. – P. 267-286.
- ¹⁴ Руфин Аквилейский. Церковная история, I, 37-39 // Рождение латинской христианской историографии. – М., 2002. – http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Rufin_Aquilea/text1.phtml?id=1654.
- ¹⁵ Irshai O. Cyril of Jerusalem: The apparition of the cross and the Jews // *Contra Iudaeos*. – P. 85 – 105.
- ¹⁶ Amm. Marc. XIII, I, 2-3. – <http://www.thelatinlibrary.com/ammiianus/15.shtml>.
- ¹⁷ Ibid. – XVII, IV, 1, 17.
- ¹⁸ Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в Ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). – М., 1974. – С. 40.
- ¹⁹ Amm. Marc., XV, VII, 7, 10.
- ²⁰ Григорий Богослов. Слово 5. Второе обличительное на царя Юлиана // Григорий Богослов. Собрание творений: в 2 т. – Т.1. – М., 2000. – С. 21-24. – http://mystudies.narod.ru/library/g/greg_naz/slova/5.htm.
- ²¹ Там же.
- ²² Исх. 32: 24.
- ²³ Григорий Богослов. Указ. соч.
- ²⁴ Впервые в качестве побуждающего фактора обращения в христианство для иудеев чудесные знамения появляются ещё в Новом завете: см. Деян.19: 13–17.
- ²⁵ Латинский историк Павел Орозий (Павел Орозий. История против язычников. VII, 30, 4-5 / Пер., вступ. ст., комм. и указ. В.М. Тюленева. – СПб., 2003) сообщает, что Юлиан по возвращении из Персии собирался построить в Иерусалиме не храм, а амфитеатр, в котором мог бы умерщвлять христиан. Сообщение, по-видимому, основано на традиции, нисходящей от Григория Назианзина, который также говорит об ожидании христианами гонений после возвращения Юлиана из Персии.
- ²⁶ Мар Афрем Нисибинский. Юлиановский цикл / Предисл., пер. с сир., и комм.: А.В. Муравьев. – М., 2006. Из литературы о Ефреме см.: Griffith S.H. Ephrem the Syrian's Hymns Against Julian. Meditation on history and imperial power // *Vigiliae Christianae*. – Vol. 41. – №. 3. – 1987. – P. 238-266. Новейшая работа об отношении Ефрема к иудеям: Shepardson C.C. *Anti-Judaism and Christian orthodoxy: Ephrem's hymns in fourth-century Syria*. – Washington, D.C., 2008.
- ²⁷ Ефрем Сирин, ст. 4, 22.
- ²⁸ Сократ Схоластик. Церковная история, III, 20/ Пер. СПбДА под ред. И.В. Кривушина. – М., 1996. – <http://krotov.info/acts/04/socrate/socr03.html>; Millar F. Rebuilding the Jerusalem temple: pagan, Jewish and Christian conceptions // ВДИ. – 2008. – №1. – С. 25.

²⁹ Эрмий Созомен Соломинский. Церковная история, V, 22. – СПб., 1851.

³⁰ Филосторгий. Сокращение «Церковной истории», VII, 3 / Пер. с древнегреч. В.А. Дорфеевой // Церковные историки IV–V вв. – М., 2007. – С. 189-265. – http://krotov.info/acts/05/marsel/istoriki_07.htm.